

Юрий КИТАЕВ

*Юрий Китаев родился в Москве, работал инженером, слесарем, учителем и др.
Публиковался в журналах «Топос», «Знамя», «Нева».*

ЖИЗНЬ НОВИКОВА

Рассказ

*А была ли бессмертной
Ваша личная жизнь...
Вл. Соколов*

1.

Новиков – удивительный человек.

Не очень высокого роста, худой и бледный, хотя в сердечной больнице, где мы с ним вместе лежали, этим трудно кого-нибудь удивить. Даже самые жирные и шумные пациенты в какое-то время стихали и старались, кому удавалось, быть тихими и маленькими...

Был тогда Новиков тогда уже, мягко говоря, не молод.

Из распотрошенных окурков и газетной бумаги он свертывал самокрутки с такой ловкостью, с какой умеют только люди *хозяйские*, то есть побывавшие в тюрьме. По крайней мере, ни у кого кроме *хозяйских* я такой ловкости не наблюдал.

Когда я впервые увидел его, то есть когда впервые обратил на него внимание, он сидел на стуле в стороне от человеческой суеты и читал Библию.

Ветхий Завет.

Кажется, Книги Царств. А может быть, Пророков, я уже не помню точно.

Это меня удивило (человек в стороне от человеческой суеты, читающий Библию – не всякий день такое встретишь), и постепенно мы довольно близко познакомились. Подолгу разговаривали.

Мы вместе лежали в больнице. Долго. Две недели. Я просто на обследовании, у него уже что-то нашли. Постепенно он начал о себе рассказывать. Всей правды он, как и все мы, вероятно, не говорил, но в основном, я думаю, не врал. Зачем такое выдумывать?

Новиков рассказывал весело и непринужденно.

Меня изумила его многотрудная и, прямо скажем, не совсем стандартно прожитая жизнь, и теперь, по прошествии довольно многих лет, я считаю необходимым рассказать о ней.

То есть я и раньше, конечно, хотел, но за суетой все как-то не мог собраться.

Прости меня, Новиков. Или *Новиков*.

Новиков, – Новиков... Не знаю, как правильно... И как его звали, тоже не помню...

Одна фамилия в голове застряла, да и в фамилии, не могу точно сообразить, где ударения ставить: то ли Новиков, как знаменитый масон восемнадцатого века, то ли попростому – Новиков, как у нас на военной кафедре был подполковник...

...Замечательный, кстати, человек был этот подполковник Новиков... Я, да и не один, многие думали, что он просто дурак и солдафон, а когда мы выехали на сборы в тамбовские леса, выяснилось, какой он на самом деле человек...

...Там, в Тамбове, леса там удивительные... Глухие. Темные и какие-то теплые. Море грибов, ягод... По ночам волки выли... Где еще такое найдешь... Если б еще не гимнастерка с сапогами, и не автомат, не противогаз и ОЗК...

А подполковник Новиков на этих сборах был для нас (т.н. курсантов) в прямом смысле – как отец родной...

За все два месяца, что мы «служили», я только один раз его раздражительным и возмущенным видел... Да какое там раздраженным! Он в настоящем бешенстве был! Да, пожалуй, тут и многие нормальные люди рассердились бы...

...Какой-то добрый молодой человек в военной форме привязал собаке к хвосту консервные банки, и бедное животное с криками ужаса носилось по нашему палаточному лагерю и по всем ближним и дальним военным окрестностям, безнадежно пытаясь убежать от преследующего ее звенящего и гремящего кошмара, который, чем скорее она бежала, становился только страшней и громче.

Уж не знаю, что подполковник сделал бы с тем неустановленным военнотружущим, который привязал к собаке банки, попадись он ему в ту минуту...

Возможно, застрелил бы...

– Кто, – кричал он, задыхаясь и бессильно сжимая кулаки, – кто это сделал?..

В самом деле, это была очень жестокая по отношению к простодушной собаке шутка, а жестокости, тем более к беспомощному существу, подполковник Новиков вынести не мог...

Однако я отвлекся.

Начал про другого Новикова... Или Новикова... Буду называть его так. –

Как *масона*, просветителя, писателя и издателя, друга и соратника, а позднее злейшего врага матушки Екатерины...

Хотя, конечно, они, скорее всего, не родственники...

...Но нет... Не могу... Раз уж начал отвлекаться, раз уж сбился с прямого и гладкого пути последовательного и правильно изложения, не могу еще немного не рассказать про подполковника Новикова и про наши военные сборы в тамбовских лесах...

Подполковник Новиков был с нами не все два месяца «службы». Уехал, убыл раньше...

Однажды вечером нас подняли по тревоге и выстроили на плацу.

Мы уже довольно привыкли к нелепым, порой на наш взгляд неожиданным командам *Выходи строиться*, но всех тонкостей военного этикета и обычаев, конечно, не понимали.

Оказывается, нас построили попрощаться.

С подполковником Новиковым.

Командующий нашими сборами подполковник Мейерович скомандовал «Смирно», и сообщил (доложил), что подполковник Новиков покидает нас (убывает) в связи с выходом на пенсию.

Вот и все. Больше мы никогда его не видели.

...А леса там были удивительные...

Говорили, что именно в этих лесах бандитствовал и разбойничал (как сообщали тогда исторические учебники), и геройствовал легендарный Антонов...

А после него, то есть после того как его одолел репрессированный позже, а еще позже реабилитированный маршал Тухачевский, говорили (и это похоже на правду), там,

в этих лесах где проходили наши военные сборы, *не ступала нога человека*. – Гражданского, штатского.

Вся территория была забрана и огорожена под Вооруженные силы. На тот момент там дислоцировались полигоны трех военных училищ: зенитного, связи (кажется), и химзащиты (к которому мы и относились).

Для нас тогда фамилия зеленого героя гражданской войны *Антонова* случайным образом имела и некоторый особенный смысл.

Был у нас на этой самой нашей военной кафедре преподаватель с такой фамилией. Капитан Антонов, впоследствии майор...

Когда мы прибыли в тамбовские леса на сборы, все наши остроумные зубоскалили по этому поводу как могли...

Но наш *Антонов* был совсем не то, что был тот *Антонов*...

Масштаб личности другой.

Тот Антонов, каков бы он ни был, был герой, а наш...

А наш то и дело глупо шутил и очень лихо фуражку заламывал. Умел.

Слухом земля полнится... И, может быть, не только земля... Может быть, и Луна тоже... И мы про наших командиров и начальников много-много чего знали... Неофициального.

...Назначали, командировали на военную кафедру чаще всего в виде некоторого награждения за трудности и лишения предыдущей службы: подполковник Новиков, например, много лет прослужил в дальних, трудных гарнизонах, другой преподаватель, и тоже добрейший человек (имени уже не помню, помню только, что хороший человек), воевал во Вьетнаме... А у капитана (майора) Антонова отец трудился на ЗИЛе...

Начальником 1-го отдела...

...А про подполковника Новикова ходили легенды.

Вероятно, все так и было, как рассказывали, но я этого уже не застал. При мне уже этого не было.

Случалось, на стрельбах кто-нибудь из курсантов начинал приставать к подполковнику:

– Товарищ подполковник! Ну, покажите, пожалуйста...

– Отстань...

– Товарищ подполковник... Ну, пожалуйста...

Иногда офицер сдавался.

Тогда кто-нибудь из курсантов подбрасывал вверх стреляную гильзу, а подполковник с одной руки из автомата (тяжелого, АК-47!) пулей сбивал ее влет...

Вот какой он был офицер!

...А еще однажды на тех стрельбах (уже из пистолета) один ополоумевший от грохота выстрелов курсант отвернулся от мишени и повернулся к подполковнику:

– У меня не стреляет...

И стал щелкать пистолетом, направив его прямо на командира.

Несмотря на возраст, подполковник Новиков сделал в воздухе лихой прыжок и ногой выбил у идиота заряженное оружие...

«Воевали» мы на этих сборах своеобразно.

Своеобразие усугублялось тем, что с предыдущих сборов четверых курсантов привезли в гробах.

Обыкновенная наша глупость. Или просто случайность. Судьба.

Ехали колонной, какой-то умный человек выпустил ракету «радиационная и химическая опасность»: 5 красных звездочек и громкий противный, протяжный свист – водитель, солдат-срочник за рулем БРДМа-РХ (это небольшой радиационно-химический

разведывательный, но все же броневичок) растерялся и въехал в корму следовавшего впереди маленького беззащитного «газика».

Никто в «газике» не уцелел.

Естественно, и гражданские и военные власти были край недовольны таким происшествием, которого к тому же никак нельзя было скрыть. Начались разбирательства, следствие, комиссии и все такое...

Начальник военной кафедры, сборов, все преподаватели оказались в роли виноватых, хотя чем они были виноваты...

Были устроены дополнительные проверки и др. и пр.

Естественно, на наших сборах были приняты все меры к недопущению чего-либо подобного, нас берегли и охраняли от малейших опасностей, а для успокоения всех обеспокоенных снимали еще фильм про наши сборы, чтобы всем показать, как у нас на самом деле все ладно и складно.

При этом, естественно, местное, от училища, тамбовское военное начальство старались как можно больше использовать нас как бесплатную рабочую силу, а наши московские отцы-командиры старались, сколько могли, нас от этих работ избавить...

И все же мы что-то делали.

В основном, конечно, копали. От забора до обеда и т.д... (По М. Гаспарову: *хронотоп – пространственно-временной континуум по формуле: «рыть канаву от забора до обеда».*)

...Копать там было легко. Почва – сплошной или почти сплошной песок. Копали канавы, траншеи. Вероятно, для прокладки кабелей.

А еще мы строили тюрьму.

Да, тюрьму.

Гарнизонную гауптвахту. Двухэтажную.

А куда было деться... Тем более, если б не мы, кто-нибудь другой построил бы...

Те самые солдаты срочной службы, для которых она предназначалась и с которыми мы хоть и немного иногда общались, жили и выглядели так, что, только глянув на них, на срочную службу совсем не хотелось...

Разумеется, стены клали не мы, это надо уметь, стены клали те самые срочные солдаты. Мы были как подсобники. Кирпичи подавали.

И как весело было, сидя на какой-нибудь балке или недовозведенной стене и перекидывая по цепочке снизу наверх кирпичи, со всей дури орать:

– Каменщик, каменщик в фартуке белом,

Что ты там строишь, кому?

Эй, не мешай нам, мы заняты делом,

Строим мы, строим тюрьму...

Однако довольно этих посторонних «военных» воспоминаний, уводящих в сторону, отвлекающих от важного, от насущного – от Новикова...

Одно только упомяну, это важно.

Сборы наши проходили давно, в позапрошлую эпоху, накануне Афганистана. Тогда плакаты на всех углах громко сообщали о единстве армии и народа, тоже газеты, радио, телевизор, а местные военные, живущие с семьями вне полигонов, на службу ездили исключительно в штатском, и только прибыв на место, переоблачались: за военную офицерскую форму местные граждане не только побить могли, но, случалось, и из ружья стреляли...

Дороговата выходила народу советская армия!

А кому еще довелось в ней служить...

2.

Ну, все! Довольно отвлекаться.

Закончил (или, по крайней мере, приостановился) с тамбовскими лесами, палатками на десять военнослужащих и вообще с военными делами и другими лирическими отступлениями, и обращаюсь к моему непосредственному рассказу, к главному герою. К Новикову.

Он того стоит.

С довольно раннего возраста наш Новиков начал работать.

По велению сердца и по призванию.

А его веление сердца и призвание было тогда очень-очень небезопасное...

Даже уголовный кодекс относился к такой работе отрицательно и содержал соответствующую статью...

Она и теперь небезопасна, но уже от других причин...

Свою трудовую карьеру Новиков начал еще где-то в 70-х годах минувшего века – эпоха *развитого социализма*. Во всем своем своеобразии, разнообразии и единообразии.

Впрочем, что такое исторические условия и условности для увлеченного человека!

А Новиков, насколько я смог понять, своему призванию никогда не изменял. До самого моего с ним знакомства, и, вероятно, далее...

Здесь уместно, кажется, будет упомянуть о его родине и первоначальном месте жительства – тем более это имеет некоторое отношение к его дальнейшей судьбе и тому общественному положению, которое он имел ко времени нашего с ним знакомства.

Вырос он в Кожевниках. Это возле Павелецкого вокзала. Наконец их коммуналку (а может быть, и подвал) расселили, и семья получила квартиру в Очаково. В пятиэтажке на Озерной улице.

Новиков начал работать рано. Возможно, даже еще до окончания средней школы.

Тогда, в пору его юности, это происходило так.

Утром он ехал к кинотеатру «Нева» в районе Речного вокзала.

Почему именно туда, не знаю. Возможно, для него в этом был какой-то особенный смысл, возможно, просто случайность.

Там он находил (а они всегда находились) каких-нибудь отличников учебы, прогуливающих уроки и вместо школьной тоски и скуки отправившихся в кино. Он задавал им два простых и ясных вопроса, на которые получал положительные ответы.

Во первых: есть ли у них по 50 копеек – естественно, есть, раз они собрались в кино... Во-вторых: не хотят ли они временно отложить посещение кинотеатра, а вместо этого теперь в короткое время заработать 5 рублей – немаленькие деньги: зарплата учителя – инженера – младшего научного сотрудника и т.д. в то время была 110–140 рублей в месяц.

Дети обычно соглашались.

Тогда они отправлялись в писчебумажный магазин, где на киношный рубль приобреталось: 2 пионерских галстука, комсомольский значок, большая амбарная книга и ручка, чем писать...

После этого они все шли к школе (не к той, конечно, которую прогуливали юные лоботрясы, а к другой), вставали возле (но не у самых дверей) и, застыв и вскинув руку в дурацком пионерском приветствии-салюте, просили у прохожих деньги на похороны безвременной умершей (или нечаянно погибшей) молодой пионервожатой...

Случалось (и часто случалось!), деньги давали, и тогда сумму пожертвования с указанием имени жертвователя (чаще жертвовательницы) торжественно и неукоснительно записывали в амбарную книгу, а простодушных просили непременно расписаться...

Дальше, ближе к концу занятий, когда обыкновенные школьники, которые ходили в школу, покидали ее, а за первоклассниками, случалось, приходили и взрослые, пикет сворачивался и начинался рейд по подъездам с той же атрибутикой и заклинаниями...

Так продолжалось часов до четырех-пяти, когда в квартирах оставались не только пенсионеры и пенсионерки, а начинал возвращаться с работы более сообразительный народ.

Тогда Новиков честно выдавал ребенкам по 5 рублей (уж не знаю, не спросил, включал ли он в эту сумму киношные 50 копеек), остальное оставлял себе, и они расставались, довольные друг другом.

В среднем выходил заработок, существенно превышающий зарплату учителя – инженера – младшего научного сотрудника – школьного учителя и т.д...

Но представьте, если можете, что было бы, если бы его разоблачили!

Во-первых, статья в Уголовном кодексе за попрошайничество (уж не помню, сколько за это полагалось лет), во-вторых, вовлечение малолетних в преступную деятельность (караул!), а главное – еще страшнее – идеология! – ведь это было надругательство над *самым святым*, над пионерской организацией! Всесоюзной, великой и могучей – боевым резервом, комсомола и, не к ночи будь помянута, коммунистической партии...

Однако, похоже, все это сошло Новикову с рук.

Чем еще он в то время занимался, на чём и когда *засыпался*, а это, похоже, имело место, он не говорил...

Но – времена несколько изменились. Все проходит... В стране победившего социализма произошли *Великие Реформы*, и в связи с изменением исторической ситуации профессиональная деятельность Новикова часто оказалась связана с культовыми объектами и тематикой, приобрела *религиозную составляющую*...

Отсюда и особенный интерес мастера к Священному Писанию, оттого и читал он Библию в стороне от человеческой суеты...

Новиков относился к своей работе честно и добросовестно.

Религиозная составляющая, впрочем, не обязательно была православной или даже христианской: ему случалось просить и у мечети – возле проспекта Мира... У мечети на Курбан-байрам очень хорошо подавали!.. И у хоральной синагоги (Спасоглинищевский переулок, прежде улица Архипова).

Он очень забавно про это рассказывал.

...У синагоги он работал *слепым*.

В синих очках.

Подавали замечательно. Особенно по праздникам. Песах, праздник Труб, праздник Седмиц, Обновления, Пурим...

Правда, однажды одна престарелая иудейская прихожанка звонко выразила сомнение в принадлежности нашего Новикова к избранному народу.

Новиков был по-своему великий человек. Он не растерялся:

– Хочешь, покажу?

И сделал вид, что растворяет штаны.

Испуганная бабушка поспешно ретировалась. Предварительно все же сунув в руку слепому довольно-таки большую бумажку...

Неплохо он работал и у костела Непорочного Зачатия на Малой Грузинской.

Там ко всему еще и кормили.

Не оставлял своим вниманием Новиков и старообрядцев. У него, кстати, я в первый раз видел и даже полистал старообрядческий Часослов.

О старообрядцах он подробно рассказывал.

И про Рогожскую слободу, и про храм возле Белорусского вокзала, и про федосеевскую общину Преображенского кладбища...

Профессионал!

Но главная территория деятельности Новикова была все же в окрестностях православных храмов. Просто, вероятно, в силу их относительной многочисленности...

...Про один храм и его настоятеля он отзывался очень неодобрительно. Даже с возмущением.

Не могу вспомнить, где располагался этот храм с преступным настоятелем. Не то Петра и Павла в Ясеневе (Оптинское подворье), не то в его родном Очакове – на другом конце, за железной дорогой: на Очаковском шоссе.

Нехороший поп на просьбу о материальной помощи произнес ужасные слова, о том, что он, конечно, поможет, даже с радостью, но не хочет ли *бедный человек* прежде чуть-чуть потрудиться: взять, например, лопату и почистить снег на дорожке...

Грех подумать: это же метров двадцать!

Новиков убежал с церковного двора как ошпаренный. И полный благородного негодования.

Видно, эта история так потрясла и возмутила его, что он рассказывал ее неоднократно.

Еще он любил рассказывать о том, как знаменитый о. Александр Мень дал ему 15 копеек (советскими деньгами), и какие чудеса за этим последовали... Видно, он не очень почитал отца Александра...

В это время он трудился в окрестностях Сергиевой лавры (в самой лавре, похоже, не часто бывал – велика конкуренция).

Там у храма, где служил о. Александр (с. Семхоз), он сколько-то времени *поработал*, что-то заработал, а напоследок еще и о. Александр дал 15 копеек...

Естественно, немного устал (это только совсем глупый и невежественный человек может подумать, что у него была легкая работа!), присел отдохнуть и подкрепиться. Взял вино и полукопченую колбасу. Пристроился возле самого магазина.

В это время в магазин привезли продукты. Привезли на лошади. В телеге.

И – то ли погода такая была, то ли возчик сильно спешил и гнал, а скорее всего, просто возраст и время пришло, только лошадь, несколько шагов не дойдя до магазина, остановилась, пала и испустила дух.

– Ты представляешь, – нервно и как-то не по-здоровому радуясь, повторял Новиков, – Александр Мень 15 копеек дал, и – лошадь сдохла...

Связь этих двух событий была для него несомненна и каким-то образом знаменательна, как будто не дай ему о. Александр 15 копеек, бедное животное осталось бы живо...

Ко времени нашего знакомства Новиков обитал в ЦСА (центр социальной адаптации «Люблино» на Иловайской улице), тогда, может быть, это называлось еще «Дом ночного пребывания». По-простому – на Иловайке. В ночлежке.

Жилищные дела его сложились не совсем благопрятно.

Вот как это получилось. Свою квартиру на Озерной (дальняя по тем временам окраина, но все-таки Москва, столица) он обменял на какое-то жилище за городом (если я правильно помню, Голицино) – с доплатой, разумеется.

А некоторое время спустя и из Голицино он перебрался, и не куда-нибудь, а в Сумгаит. Надо понимать, с очень большой доплатой.

Что толкнуло его на такие *обмены*? Не знаю.

Злая нужда? Алчность? Азарт? – Безусловно, это были выгодные в денежном отношении переезды...

Не знаю... Я думаю, самое главное и прежде всего им руководил Азарт... Великий и беспощадный. А за азартом часто следуют всякие неизбежные непредвиденные обстоятельства.

Чем он занимался в Сумгаите, Новиков не рассказывал...

А в 1988 году в Сумгаите произошло то, что произошло...

Выражаясь простыми словами газетного материала *нового времени*, «за слабость и трусость советского руководства десятки простых людей заплатили своими жизнями, сотни тысяч стали беженцами». Сначала естественным образом произошел Карабах, потом Сумгаит, потом Баку...

26 февраля 1988 года на центральной площади Сумгаита прошел митинг, над площадью звучал лозунг «Смерть армянам!», потом начались погромы. Власти не вмешивались. Быстрее всего, и сами участвовали. Тем более, погромы сопровождалось, конечно же, грабежом...

Смерть армянам!.. Других тогда не трогали...

Но долго ли так будет продолжаться (кроме армян, прочие неазербайджанцы в первое время были (или считались) еще в относительной безопасности), никто не знал, поехали и побежали все. Все, кто смог...

Новикова, по его словам, эвакуировали военные...

Еще, увы, *лирическое отступление* личного характера. Никак не могу удержаться.

Хотя, едва ли это отступление можно назвать сильно лирическим...

Уже не Сумгаит, Баку...

Я учился когда-то в технологическом институте. И даже, как ни странно, закончил его.

Со мной в одной группе училась очаровательная армянка.

Зина. Вернее, по-ихнему, скорее всего, Зита, но у нас ее называли по-нашему.

Училась она страшно старательно и, надо полагать, неплохо, но на экзаменах ее охватывал какой-то сковывающий страх и ужас, она переставала что-либо соображать и часто получала двойки.

Тогда она плакала. Мы все, как могли, утешали ее...

Мы все с ней дружили, и я чувствовал, даже ясно понимал, что я ей не совсем безразличен, но никаких *последствий*, никакого развития все это получить не могло: у них очень патриархальные, традиционные нравы... Даже жених ее был давно известен: предстояло только доучиться, домучиться в институте, и ехать к жениху.

В Баку.

К чему ей был этот наш технологический институт? Очень просто. Высшее образование. А почему именно наш технологический? Еще проще: ее отец был в нем преподавателем. На кафедре физкультуры.

Время прошло. Я ухитрился кончить этот самый институт.

Некоторое время спустя и у меня возникли *жилищные проблемы*...

Не такого рода, как у Новикова, но все же.

В конце концов дошло до того, что я надолго вынужден был искать у убежище в другой стране. В Средней Азии. Тогда это называлось *союзной республикой*.

Однако успел вернуться, и во второй половине 80-х снова был в Москве.

И вот мне приснился сон.

Двор какой-то. Я на детских качелях качаюсь...

Серый, пасмурный, обыкновенный, но почему-то веселый день... Или начало вечера.

И там, во сне, появляется эта Зина.

Застенчиво, и смущаясь по своему обыкновению, она спрашивает меня: нельзя ли ей у меня некоторое время пожить...

О чем речь! Во сне-то мне ведь все возможно!

– Что ты, говорю, Зиночка, о чем разговор... У меня сейчас три квартиры: две в Москве, одна в Киргизии... Выбирай какую хочешь и живи, сколько тебе надо...

Сказал и тотчас – даже еще во сне вспомнил, что ни одной-то квартиры у меня нет... И вообще – вся недвижимость моя: эти самые качели, на которых я теперь раскачиваюсь... Да и то – только во сне...

А утром радио сообщило о погромах в Баку...

Где ты теперь, Зина? Жива ли...

А у Новикова по возвращении из славного города Сумгаит с жилищем в родной Москве ничего хорошего не вышло, и он оказался на Иловойской улице, в Центре социальной адаптации (ЦСА), в ночлежке.

Но не бедствовал. Профессия и работа по специальности выручала.

Правда, времена еще несколько раз поменялись, и со свободными *рабочими местами* возле храмов стало затруднительно. И в электрических поездах тоже...

Или нужна была *крыша*, которой надо платить, или своя устойчивая компания...

А платить кому бы то ни было Новиков не хотел и морально был не готов. И в силу здорового и понятного *индивидуализма* в устойчивую компанию (коммуну) он тоже не хотел и не мог.

Это можно понять.

Но отстаивать свое место под солнцем силой он уже и по возрасту, и по состоянию здоровья не мог... Теперь ему осталось только с иконкой в подземном переходе стоять и смиренно просить во славу Божию...

Впрочем, на скромную, но достаточную жизнь на Иловайке ему хватало.

Когда хотелось или нужно было выпить, или то и другое вместе – и нужно было, и хотелось (непосредственно в «доме ночного пребывания» это было более чем затруднительно – милиция там, говорят, совершенно не церемонилась с проживающими), он сообщал коменданту или кому-то там о необходимости уехать на 2-3 дня и на ночлег отправлялся на какую-то дальнюю конечную станцию (не помню имени) по Павелецкой дороге.

Там было комфортно. И милиция не выгоняла. Тем более у Новикова полная сумка *священных книг*... Подвижник...

Однажды на этой самой Павелецкой станции какой-то мужик попытался утащить его сумки. Да так ловко, что Новиков и не заметил...

Но недобродетельный бродяга еще на чем-то попался, его взяла милиция, и повели его с новиковскими сумками как раз мимо лавки, где сидел наш герой...

Тут и удалось ему вернуть украденное имущество.

А бедного ворюшку увели. Уж как Новиков злорадовался!

Даже многое время спустя, рассказывая мне, он в ладоши хлопал! «Так ему! Так ему и надо!..»

Бедные мы и слабые люди...

3.

А теперь, когда всё, в основном, вспомнил про Новикова, не могу удержаться: снова о себе. О себе, любимом.

Труден был жизненный путь Новикова, но и мы пожить умели...

Это из моего собственного, не по-хорошему гордого опыта нищенства...

Вернее, не совсем нищенства, даже совсем не нищенства... Даже наоборот... Но все же где-то рядом...

Все мы где-то рядом!

Однажды я прогуливался по нашим окраинам, одетый по обыкновенному (мог тогда себе позволить!), был празднично задумчив и скверно мечтателен.

...Немолодая, но симпатичная крупная женщина (мы некоторое время шли с ней рядом) неожиданно вынула из сумки полбуханки черного хлеба в пакете (видно, только из булочной):

– Мужчина! Может быть, вы хлеб возьмете?.. Черный, мягкий... Поедите, а?.. Свежий...

Сытый, даже, пожалуй, слишком, даже, можно сказать, даже бессовестно сытый, я не сразу понял, о чем она говорит, а сообразив, смог только растроганно поблагодарить...

Другой раз, в воскресенье, слегка проспавшись от вина, я решил пойти в храм, и даже два рубля (тогда так стоило) на свечку у меня были приготовлены. И еще рубль я стал искать, увидев на пути к храму нищих: им подать.

Маленькая светло-серая старушка стояла согбенно, а на лавке перед церковной оградой сидела пьяная дама, и с ней двое, тоже нетрезвые. Один молодой почти атлет, другой, постарше, показался мне почему-то похожим на спившегося кочегара. Они просили профессионально, артистично, талантливо, широко крестились, усердно и проникновенно выводили «Дай Бог, здоровья!».

И я стал искать по карманам хоть рубль им подать.

Но не успел я подойти, молодой парень встал со скамейки, пошел мне наперерез. Приблизившись, промычал коротко: «С нами здесь сядешь – зарежем!..»

А еще в храме Митрофания Воронежского, что возле метро «Динамо», где существовала долгое время знаменитая всю округу пивная «У семи дорог» (на память о пивной осталась только фотокарточка на стенде перед храмом: «Так было до реставрации»), все повторилось по-другому.

Было воскресенье, и я туда с работы после ночной смены решил к обедне пойти. Это было недалеко от моего заводика.

Когда я вошел, служба еще не началась. Я присел на один из стоящих у стены стульев – для *немогущих*: все же устал после смены. Возле меня, но не совсем передо мной, немного наискось стоял невысокий столик, на нем вазочка. И вот женщина, работающая (труждающаяся) в храме (сестра милосердия, и красный крестик на косынке) подошла налить воду, поставить в эту вазу букет.

Все так буйно цвело в ту пору, была поздняя весна или самое начало лета, и везде, везде были цветы...

Женщине нужно было немного подвинуть столик, и выходило так, как будто я ей мешал пройти, или мне так показалось... Смущенный (не старый еще и не очень больной, а уселся), я проворно вскочил, пробормотал: простите...

Управившись с цветами, через пару минут эта женщина подошла ко мне сзади и сказала твердо и решительно:

– Пока служба не кончилась, без благословенья, я только хлеба могу вам предложить.

Я не понял сразу, о чем она.

– Нет, что вы, – сообразив, еще больше смутился я, – спасибо, не надо. У меня хлеб есть...

У меня и правда было тогда в сумке немного хлеба, что осталось от того, что брал на работу... И тотчас еще больше смутился: разве можно было так говорить? Подумаешь, не голоден...

– Простите... Спаси вас, Господи... Хлеб у меня, правда, есть, и все равно спасибо...

...После службы густо зеленеющими и цветущими дворами я возвращался в радостном, в счастливейшем настроении. И даже выйдя на широкий, многолюдный, грохочущий и чадящий автомобилями Ленинградский проспект, я продолжал ощущать это радостное чувство. И даже несмотря на жестоко терзавшие меня тогда сомненья, неприятности и обстоятельства я был почти счастлив. Обо мне позаботились!

Я жалел только, что не поблагодарил должным образом эту прекрасную женщину. Она ж мне тогда больше чем хлеба дала. Радость какую-то светлую...

И даже – надежду. Может быть, думал я, все еще наладится в моей жизни...

...Происходила такая перепутаница от моего естественного обыкновения (тогда мне это еще можно было!) одеваться как хотел – то есть *прикид* мой, куда бы я ни шел, был тогда равномерно оборванческий... Это не от крайности и не от того, что я что-то кому-то хотел доказать, просто от лениности... И – от радости – реализация личной свободы: как хочу, так и хожу...

Я мог быть собой. Великое право!

Вероятно, я, конечно, был не совсем прав.

Облачение – предмет существенный.

(По одежке встречают, по уму выпроваживают.)

Вот как писал об этом арх. Сергей Староградский:

«Ходить священнику в светском костюме за границей... – пора бы отрешиться»... (Письма японского миссионера).

Меня это, конечно, мало касается – я не в сани, но почему-то – всегда как бы за границей (и чем дальше, тем боле)...

Да и у нас на родине тоже... Вот свт. Николай (Японский) рассказывал:

«...видел батюшку в рясе... сними рясу и остриги волосы – право же, не задумался бы дать милостыню или подумать весьма дурно. И вот для чего, между прочим, нужна ряса и нужны длинные волосы!» (свт. Николай (Касаткин) Дневник. 25 июня 1880 г.).

Я хоть и не священник, но... но *уже подавали*... Или принимали за другого и думали, может быть, *весьма дурно*...

... А Новиков одевался скромно, но – в лохмотьях не ходил.

Скромно, но чисто.

Это необходимо. Профессиональный этикет. Как теперь любят говорить, *дресс-код*.

Нищий должен быть одет скромно, но чисто, чтобы отвращение не преодолеvalo сострадания, а не наоборот. – Это говорил мне еще один добрый знакомый из людей этой веселой (хоть и не всегда веселой!) профессии...

Вот, грешный человек, я опять о себе: кто-то поп, кто-то нищий – и соответственно чину одеваться должны...

А я-то кто!?

Ясно: не поп, не священнослужитель... И не бывать никогда...

Но – слава Богу, но пока не попрошайничаю...

Ни то ни се!

От кур отстал, к орлам перестал...

И *формы одежды* не имею, и за другого принимают...

...

К слову, по-настоящему невеселой (крайне невеселой!) нищенская профессия бывает не когда плохо подают (это только вопрос азарта и эффективности трудовой деятельности), а когда человек попрошайничает не *на себя*, а находясь в невольном, несвободном или просто рабском положении...

Таковыми часто бывают дети и инвалиды. И – дети-инвалиды...

Хотя бывает всяко...

Это называется Рабство.

4.

Но, дорогие сограждане, не надо торопиться судить ни Новикова, ни его своеобразную жизнь...

И меня тоже не надо судить.

Как сказал поэт:

*...Кто они, мои четыре пуда
мяса, чтоб судить чужое мясо?*

Все жили, как могли, и живем, как умеем...

Кто-то беззаботничает (как я грешный), кто-то ту или иную карьеру делает, кто-то просто ворует, кто-то что-то...

Некоторые даже работают.

В самом деле, разве не бороздят наши космические корабли просторы Большого театра!

Когда-то работали или не работали, но, по крайней мере, на работу ходили когда-то почти все.

За злостное нехождение в течение года давали год тюрьмы. И в уголовном кодексе статья была...

Новиков просил. Побирался. Как он обходил уголовную статью за *тунеядство*, не знаю...

Но в попрошайничестве его было столько лишнего, ненужного и – отвратительного, страшного и ужасного, но возможно неизбежного – издержки профессии – профзаболевание, хотя его работа работой когда-то не считалась.

Другое дело теперь. Ни разу не слышал, чтобы *просящие* говорили о ней по-другому. Исключительно: «Ты что, не работаешь?», «Я на работу», и так далее.

А издержки профессии у Новикова были нехорошие: он презирал тех, кто ему подает, и ненавидел тех, кто не подает...

И – не знаю, сколь надо было бы душевных сил, чтобы при такой профессии это в себе сломать... Если б даже захотелось...

О. Александр Мень не смог помочь нашему Новикову ...

И многие, многие другие отцы (и не отцы) не смогли, не помогли...

Грешный был человек Новиков...

И трудная была у него жизнь... Двойственная.

...У его достопамятного однофамильца, у того Новикова, который в восемнадцатом веке (масон! иллюминатор!) тоже двойственная жизнь была. Матушка Екатерина никак достаточно его уличить не могла.

Писала она ему (если память не врет) примерно следующее: *...если бы доброе делали, не было бы нужды таить, а вы таили...*

И наш бедный Новиков, увлеченный своим азартом (наверно, похожим на азарт охотника или рыболова), должен был двойной жизнью жить... Как его совсем небедный однофамилец, просветитель и масон...

Азарт и двойственность. Это просто заразные болезни такие...

Да, разве один Новиков был ими поражен!

Все почти этим больны. У Новикова это выразилось в попрошайничестве.

У кого-то эта двойственность воплощается в театральном или другом каком-нибудь художественном творчестве... В писанине, например... Безразлично даже, удачно воплощается или нет... У всех свое. Но и у всех общее. Диалектика.

Так что же она такое, *жизнь Новикова*?

Как и всякая наша «личная жизнь»? – Вино, кино и эскимо?

Всего только повод для кого-нибудь (как для меня, например) повспоминать, порассуждать, порассказывать? – И преимущественно о своем?

Не так ли и все наши здешние жизни?

Впрочем новиковская жизнь в силу своей трудной своеобразности может доставить больше поводов повспоминать, порассуждать и – страшно вымолвить: м.б., даже подумать, чем многие иные в добросовестной приличности прожитые биографии ...

У нас, у многих вся личная своеобразность и неповторимость потерялась, безнадежно утонула в общей монотонности карьер и «трудовых стажей», в хищном плену масскульта и общих ценностей грубого самоуважения и самовыражения...

Интересно было бы спросить, были ли у Новикова дети...

Тогда почему-то не спросил, не пришло в голову... Да и не очень это вежливо задавать такие вопросы человеку, который в ЦСА, в ночлежке для бездомных живет...

Скорее всего, детей у него не было.

Хотя, может быть, там, в Сумгаите...

...Прости меня, Новиков...

Я так часто от тебя отвлекался на всякое постороннее...

Но я не виноват... Или не совсем виноват...

Слишком много времени прошло с тех пор, как мы были знакомы, и многое из того, что ты рассказывал, я просто преступно забыл...

Многое забывается.

Но, может быть, довольно нам и того, что помним...